

Вильняле

ЛИТВЕ

Буует черная гроза,
И в небе сумрачно и равном,
Пороховые облака.
А ты все так же далека!..
Озер тишайшие глаза
Прикрыты тьмою и туманом.

Налились кровью небеса.
А ты на пепелище стылом
Стоишь без памяти — одна,
Растеряна, разорена..
Озер тишайшие глаза
Заволоклись тяжелым дымом.

Создательница литовского лиризма

За несколько последних десятилетий литовская советская поэзия значительно изменилась, обновилась. При наблюдении за этим процессом на протяжении некоторого времени можно показать, что происходит отдаление от традиций прошлого. А между тем к поэтам предыдущих поколений просто отнеслись по-новому, более творчески продолжили их традиции. По-новому раскрылось и поэтическое слово Саломеи Нерис, прояснились перспективы ее лиризма. Роль ее в нашей поэзии неоспорима. Образно говоря, С. Нерис осветила перенатое из народных песен ядро лиризма, внесла в него свой темперамент и динамику, дала крылья и довела до совершенства поэтическое выражение. И хотя поэтесса интенсивно проявляла себя всего два десятилетия, траектория ее лирики проходит через столетия — от истоков народных песен до наших дней. Творческий путь С. Нерис наполнен внезапными перепадами, острыми контрастами. Лирик, острый чувств она не всегда покоряется здравому смыслу. Но о чем бы она ни писала, песнь ее всегда крылата, динамична, наполнена внутренним драматизмом и гармоничной целостностью. Не здесь ли скрывается неблекнущее очарование ее песен о молодости, любви, жизни? Это как бы дыхание моря, всегда безграничного, неразделимого. Как и большинство наших известных поэтов, С. Нерис классической простоты и виртуозности достигла в годы душевного равновесия или человеческой полноты, то есть в сборнике «Расцвету димидисом» и поэме «Где — королева ужей». Здесь она органично отразила свою связь с социальной действительностью, глубже проникла в тайны человеческой души. Поэтесса проявила себя и как романтик, и как реалист. Любителей поэзии на все времена она привлекла чистотой души, хрупкой, изменчивой, пластичной метафорой, разнообразием и мелодичностью интонаций. Однако виртуозно играя на тончайших лирических струнах, поэтесса не останавливается на месте. Сама жизнь, особенно испытания и потрясения Великой Отечественной войны,

заставляют коснуться самых драматических струн, заговорить более решительным голосом. Через трудности, утраты, самопожертвование, вместе со всеми советскими людьми лелея мечту о победе, С. Нерис смотрела на оторванный родной край как на «оторванную от сердца веточку», символизирующую жизненные силы народа и ее собственную судьбу, веру, надежды. Саломея Нерис научилась сплавлять тоску и переживания с внутренней твердостью, а хрупкую лирическую мелодию — с суровой металлической нотой, ритмом неукротимого подвига. С другой стороны, «летящая вокруг земли с ветрами», поэтесса в это время глубже ощутила трагизм и смысл человеческого бытия и не желает для себя большего счастья, как «быть дождевым червем родины», «синець васьильком» («Майронису»). Таким образом, во фронтовой лирике С. Нерис поэтическое слово как и раньше звучит интимно и убедительно, только стало еще более разветвленным и действенным. Выжая общую судьбу человека и народа, поэтесса еще сильнее усовершенствовала народное звучание и мелодизм. Таким образом она достигла вершины песенного лиризма.

Лирика С. Нерис повлила на дальнейшее развитие поэзии. В послевоенные годы под ее воздействием выросло стилистическое направление фольклорно-лирической поэзии, в которой тесно слились общественное и личное начала. В этом смысле Саломея Нерис наиболее близким к ней является Э. Межелайтис и А. Балтисис, и особенно П. Шивис. В трудных условиях, потогравая огоньки песенного лиризма переживаниями боя, они сохранили тесную связь между выходящими лириком и позднейшим бурным обновлением литовской поэзии. Однако в нашей поэзии еще не скоро сформировался такой тип поэта, который по лирическому личному, внутреннему драматизму и целостности, гармоничности, а самое главное, твердости чувства и лаконичности, мог сравниться с С. Нерис и творчески продолжить ее традиции. Кроме того, в пору обновления в литовской поэзии распространились лирический рас-

сказ и интеллектуальная рефлексия, анализ и абстрагирование. Давая характеристику лирическому искусству С. Нерис и ее традиции, несколько лет назад в книге «Лирика Саломеи Нерис» В. Кублиус рассуждал: «Когда читаешь сегодня диссонансные по своей структуре и созвучиям, хаотичные по своим разорванным ассоциациям, рационалистические по своему тезисному мышлению стихи, словно сладкий сон вспоминаешь тихий, звучный и эмоциональный лиризм С. Нерис. Все дальше отходит этот сон от нашей поэзии». Несомненно, индивидуальная духовная динамика С. Нерис и по словам А. Малдониса, «... течение чувств и мыслей в минуты светлейших прозрений и ощущений всей глубины бытия, когда не чувствуешь ни слова, ни формы, неповторимы. Но и современные поэты, как признает Юстас Марцинкявичюс в «Дневнике без дат», учились у нее глубже чувствовать «корни слова, суть и звучание фольклора», и все это «органично использовать в своем творчестве». После появления новых поколений поэтов оказалось, что традиция и модернистская лирика С. Нерис действуют словно живительный подземный родник. Доведенные С. Нерис до совершенства музыкальность и мелодичность сохраняются и в новой лирике Юстаса Марцинкявичюса, хотя она совсем иная по своей структуре и стилю.

При более внимательном прочтении современной поэзии нельзя не заметить, что, развиваясь по другим направлениям, она сохранила внутреннюю связь с тихим, звучным, эмоциональным лиризмом С. Нерис. И не только сохранила, но и творчески его развила. Традиция выдающегося лирика продолжает жить в прозрачной легкости пастельных стихов Ю. Вайчюняйте и песнях любви и жизни О. Балюконите, тоскливости элегич. М. Мартиняйтиса и динамичном дахании романсов И. Стрелкунаса. Это не удаляющаяся красивая сказка, это свойства новой лирики, ее реальность. И несомненно, что в строках талантливейших поэтов создательница литовского лиризма будет вечно жива.

Ричардас ПАКАЛЬНИШКИС.

«ДЛЯ ВАС РАСЦВЕТУ ЦВЕТКОМ ВОСПОМИНАНИЯ...»

Позднюю осень расцветивает имя Саломеи Нерис. К 80-летию со дня рождения поэтессы будет организован торжественный вечер в Москве. На него соберутся посланцы разных городов страны. Широко отмечает эту дату вся Литва. На прошлой неделе торжественное собрание состоялось в Академическом театре драмы. Почтить память поэтессы приехали наши поэты на родину С. Нерис — в Вилкавишкис, а также в Каунас, где она жила и творила. Литературные вечера состоялись в вузах и школах, в библиотеках. Радостно, что со столь важным для литовской культуры наследием С. Нерис соприкасаются и сверстники поэтессы, и то поколение, которое знакомо с ней только по стихам и литературоведческим статьям. Каждый находит в стихах Саломеи литовской поэзии что-то дорогое для себя.

Сегодня в традиционной подборке «Вильняле» мы рассказываем о жизни и творчестве Саломеи Нерис.

НА СНИМКЕ: Саломея Нерис.

«БЕГИ, ВИЛЬНЯЛЕ, В ВИЛИЮ...»

Они — литовский соловей Саломея Нерис и воспевательница Вильнюсского края Она Мицоте — встретились в Вильнюсе в пору цветения лип. Тогда, в 1939 году после печально известного ультиматума польской Польши 1938 года Саломея Нерис с группой учителей путешествовала по областям тогдашней Польши, связанным с историческим прошлым Литвы. Она побывала в Новогрудке, Гродно, Сейнах и с волнением приехала в древнюю литовскую столицу Вильнюс. Весть о ее приезде быстро разнеслась. Узнала об этом и вильнюсская поэтесса Она Мицоте.

Учтившись в Древнем Вильнюсском университете литовцы внимательно следили за литературной жизнью Литвы. К Саломее Нерис они относились с уважением и любовью. Стихи ее учили наизусть, декламировали их на собраниях, во время концертов поездов по окрестностям Вильнюса.

С особым вниманием поэтессу Саломею Нерис интересовалась Она Мицоте — одна из лучших вильнюсских литовских поэтесс сороковых годов, ее стихи переводились белорусские (сам Максим Танк) и польские поэты. Возможности для личной встречи у них не было — разделяла стена оккупации. И вот в этот день Она Мицоте, не чувствуя землю под ногами, с бу-

кетом роз спешила к кафе Рудницкого (ныне кафе «Литература»), где обедали туристы из Литвы. Войдя в зал, она оглядывалась в поисках знакомого по фотографиям лица поэтессы. Саломея Нерис, задумавшись сидела одна за столиком у окна.

— Вы Саломея Нерис? — тихо, дрожащим голосом спросила Мицоте.

— Я? — Подняв голову, с удивлением ответила поэтесса.

Мгновение молчания. А потом Она Мицоте протянула ей розы и поприветствовала от имени литераторов Вильнюсского края.

В глазах гостей появились слезы.

— Спасибо, спасибо, — с волнением благодарила она.

Они вместе вышли на улицу и пошли по теперешней площади Гедиминаса. О. Мицоте рассказывала о вильнюсских литераторах, о том, с каким уважением они относятся к творчеству С. Нерис.

Остановившись на мосту через Вильню, Река весело бежала по камешкам. Саломея Нерис облокотилась о перила моста. Охваченная тихой красотой, задумалась. Она Мицоте перестала рассказывать, ибо увидела, что гостья уже не слушает ее, а погружена в свои мысли, свой мир... Когда она повернулась к О. Мицоте, произнесла:

— Извините! Поэзия не-

обычайной красоты овладела мною...

Потом они дотемна бродили по Старому городу, историческим местам, забрались на гору Гедиминаса.

Как писал поэт Альбинас Жукаускас, «... завязалось знакомство поэтессы чистых и прекрасных сердец — Саломеи Нерис и Оны Мицоте, а потом и кратковременная, но очень искренняя, лирическая дружба Видимо, их обеих влекла близость характеров, творческих замыслов, духовное родство».

Дружба крепла. Саломея Нерис на память о встрече подарила Оне Мицоте свою книгу поэзии с искренним авторграфом: «Дорогой вильнюсской поэтессе О. Мицоте. Саломея Нерис. 13.VII. 1939».

Дружбу обрвала гитлеровская оккупация. Саломея Нерис эвакуировалась в глубь страны. И вот в Москве, в 1944 году она написала стихотворение «Сестра, голубая Вилья». Ее первое четверостишие звучало так:

Беги, Вильняле, в Вилию, а с Вилиею в Ямьяну.
Скажи: Отчизну милую как солнце, любят все у нас.

А вильнюсская поэтесса Она Мицоте, вспоминая о встрече с Саломеей Нерис, в 1970 году написала стихотворение «Мост через Вильню».

Атанас МАРТИНЕНИС.

ВТОРОЙ ВЫПУСК

Имя Саломеи Нерис символизирует целую эпоху в литовской литературе. От романтичного взлета в юности до драматических стихов военных лет, от абстрактной грусти по голубым дальям до горькой тревоги за родину, от свободных соколов до героизма советского солдата прошло стихотворение поэтессы. Его путь неотделим от всей нашей культуры. Вскоре после смерти поэтессы в 1946 г. появились два крупных тома «Поэзии», в которых было опубликовано много не напечатанных в собраниях стихотворений. А в 1957 г. трехтомник «Сочинений» не только пополнил арсенал стихов, но и раскрыл почти неизвестную до тех пор сторону ее творческой работы — прозу, путевые впечатления, публицистику. Кроме того, в этом издании были опубликованы страницы дневников, писем, документов. Все это вошло в историю литературы и стало основой различных сборников избранных произведений С. Нерис. Но с тех

«СОЧИНЕНИЙ»

пор накопилось немало исследований творчества, биографии, которые глубже освещают наследие поэтессы, проясняют истоки произведений. Новый научный материал к 80-летию со дня рождения С. Нерис побуждал писателей и издателей подготовить новый трехтомник «Сочинений». В первом томе помещены стихи довоенного периода, во втором — стихи, написанные в годы Советской власти, в третьем — проза, публицистика, дневники, письма, документы. Все тексты взяты из первоисточников. Многие не датированные стихотворения пересмотрены с целью метризации В. Аленкой. Кроме хороших известных стихов, в «Сочинениях» можно найти много данных для того, чтобы представить творческую лабораторию С. Нерис. О ее требовательности, самокритичности, внимании к слову свидетельствует тот факт, что в первый сборник «Раннее утро» поэтесса из ста с лишним стихотворений, написанных в 1926—1927 гг., включила всего со-

рок. Большой шрифтом были подчеркнуты стихотворения при подготовке «Избранного» (1941 г.). Внимательный читатель, сопоставляя материалы, помещенные в основном текстом, обнаружит примеры свидетельствующие о поэтической искренности С. Нерис в целях усиления убедительности образа и эмоций. В этом издании незавершенные стихотворения и фрагменты объединены в общий отдел соответствующего периода. Такая подача материала показывает, как у поэтессы вызревал мотив, как она искала эпитет, метафору. Тесно связаны со стихами и написанные в начале творческого пути зарисовки, путевые заметки, дневники, письма. «Сочинения» открываются предисловием В. Арешки «Саломея Нерис». В нем литературный критик характеризует важнейшие факты жизни поэтессы, черты ее творчества, облик стихотворения.

Риманте УМБРАСАЙТЕ, старший редактор редакции литовского литературного наследия издательства «Вагас».

СЛОВНО ТИХАЯ ЭЛЕГИЯ

скульптор Э. Радаускайте увековечила горькое мгновение исторического времени: глядя на барельеф, невольно вспоминаешь фотоснимки С. Нерис военных лет и печальные, горящие грустью глаза поэтессы...

В Пензу С. Нерис прибыла в конце июля из Москвы. Тогда там уже жило немало литовцев. В город на Суре воен-

ная гроза забросила Костаса Корсакаса, Антанаса Венцлову, Людаса Гиру. В воспоминаниях, датированных 20 апреля 1944 г. и отправленных в пензенскую областную газету, поэтесса писала: «Река Суре с широкими берегами и поросшие яворами окраинные улицы Пензы, тихий лермонтовский уголок с темным бюстом поэта и цветами, парк с осенними кленами, из которого простиралась наша взгляды мимо крыш городских домов далеко на запад, к пораженной врагом родине, встретили нас, литовских писателей, как остановившихся на отдых перелетных журавлей...».

Уже в первые месяцы войны город заполнили люди, бежавшие от великой беды. Нелегко было обеспечить всех кровом, пропитанием, работой. С. Нерис с сыном сначала остановилась в гостинице. Здесь она встретила свою знакомую — Ону Кмитайте-Юделене. Разговорившись, женщины решили, что с маленьким ребенком лучше поискать частную квартиру. Поселились они вместе. Облуполком

выделил такую комнату, о которой мечтала С. Нерис — с окнами в сад. У самого дома росли большие кусты шиповника, сирень, а подальше — яблони и сливы. Для поэтессы, искавшей в природе мировую гармонию и чудеса красоты, деревья были тихой радостью печальных дней. Может быть, поэтому ей полюбились долгие прогулки по аллеям парка В. Белинского и по скверу М. Лермонтова.

Живя в Пензе в качестве беженки, С. Нерис оборонялась от черных галлюцинаций, искала в жизни надежду, читая в городской библиотеке книги русских классиков, по вечерам декламируя подруге стихи, сжимая в своей ладони руку сына. Настроение развивали встречи с друзьями по судьбе К. Корсакасом и А. Венцловой, которые делились с поэтессой не только творческими мыслями и верой в победу, но и куском насущного хлеба. Вернувшись в родные края, С. Нерис вспомнит: «Сам этот прожитый в Пензе четырехмесячный период звучит для меня сегодня как тихая элегия, несложная одно-

тонная музыка губной гармошки и звук шагов по каменной мостовой улицы К. Маркса в утренних сумерках ранней осени, когда вместе с уходящими на фронт солдатами шагало на запад и мое сердце».

Однажды О. Юделене рассказала поэтессе, что видела такое зрелище: поздно вечером на краю городского сада сидели на скамейке пожилая женщина и солдат. Женщина, видимо, мать, кормила молодого воина хлебом прямо из горсти. Впечатление от этой бытовой ситуации было столь сильным, что не стерлось из памяти и отразилось в написанном С. Нерис стихотворении «Мать солдата».

Написанные в Пензе первые стихотворения военных лет «Братья-соколы», «Родина», «Приди», «Партизаны в лесу» вошли в золотой фонд литовской поэзии. Их С. Нерис читала на литературных вечерах.

Недолго город на Суре был пристанищем С. Нерис. В конце декабря 1941 г. она выехала в Уфу.

Дверь в комнату поэтессы открыл мне сын Алексей Сивохина Анатолий. Самого А. Сивохина, который всем интересовавшимся жизнью литовских писателей в Пензе с

уважением рассказывал о тихой и печальной женщине, пришедшей в его дом с маленьким сыном на руках, знаменитой поэтессе из Литвы, уже нет в живых. Дочь Валентина Сивохина подарила мне фотографию своего отца. Потом мы долго сидели в столовой за большим столом. Здесь в осенние вечера радужные хозяйка угощала Саломею крепким русским чаем. Та же самая темная старинная мебель, старые фотографии — немые свидетели творческого труда. Они хранят элегическое настроение поэтессы. Та же самая посуда с зелеными цветами...

Выхожу в сад. Прикасаюсь к старой яблоне, медленно гаснут вечерние лучи. Кончается день. Еще один день в Пензе из сорока лет после войны... Мой день с Саломеей Нерис.

Раминта БИТВИНСКЕНЕ, заведующая музеем С. Нерис. Каунас — Пенза.

НА СНИМКЕ: дом Сивохиных на улице К. Маркса весной этого года.

Фото из фондов мемориального музея им. С. Нерис.

Улицу К. Маркса в Пензе найти легко. Она близка к центру города, возле старого и красивого парка, который носит имя В. Г. Белинского. Дом, помеченный седьмым номером, на этой улице тоже легко заметить. Его украшает не только оригинальная резьба, но и белая мраморная доска с барельефом, изображающим С. Нерис. Здесь, в доме инженера Алексея Сивохина, больше четырех месяцев прожила в 1941 г. литовская поэтесса.

На мемориальной доске

